

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 5-го октября 1903 года.

У сойотского шамана.

(Из дневника эскурсанта).

Было 8 1/2 часовъ вечера, когда шаманъ прислалъ въ мою палатку мальчика съ сообщеніемъ, что онъ готовъ. Я отправился къ нему слѣдомъ за провожатымъ, отъ котораго узналъ, что камлание будетъ происходить въ юртѣ старшей жены *). Шаманъ дождался насъ въ однихъ штанахъ и въ накинутахъ на плечи халатѣ, согласно договору, не начиная безъ насъ одѣваться, но какъ только мы вошли, онъ сбросилъ съ себя халатъ, а младшая жена, служившая во время камлания ему помощникомъ, подала ему шаманскую шубу. Онъ одѣлъ ее безъ всякихъ церемоній, также одѣлъ и шапку. Въ это время жена сушила бубенъ, быстро вращая его надъ огнемъ. Но вотъ просушка бубна окончена. Шаманъ становится лицомъ къ огню, беретъ въ руки бубенъ, ударяетъ нѣсколько разъ колотушкой, затѣмъ движеніемъ руки даетъ знакъ, чтобы подальше отодвинули огонь на очагѣ. Жена бросилась къ огню, отодкнула горѣвшія полѣна и, захвативъ пшшями двѣ обуглившіяся головешки, положила ихъ передъ шаманомъ и бросила на нихъ вѣтки вереску. Клубы ароматнаго дыма заполнили юрту. Шаманъ вновь ударилъ въ бубенъ, поднялъ и окурить сначала одну ногу, затѣмъ другую и опустилъ бубенъ къ ногѣ. Присутствующіе одинъ за другимъ поднесли ему закуренныя трубки. Шаманъ каждый разъ сначала касался мундштукомъ бубна, словно угощать

пѣня-мольба, грустно вторилъ ей бубенъ въ тактъ качанью тѣла. Шаманъ сзывалъ духовъ не какъ грозный повелитель, а какъ презрѣнный рабъ, взывающій къ нимъ, молящій ихъ

Шаманскій костюмъ сзиди.

кони **), а затѣмъ только подносилъ мундштукъ ко рту. То-же самое продолжалъ съ поданной ему мною папирисой. Сопутствовавшій мнѣ сойотъ Таваджикъ, подавъ шаману трубку, сталъ на одно колѣно, сложилъ почтительно руки ладонь къ ладони и попросилъ пошаманить. „Я—человѣкъ дорожный—сказалъ онъ,—а въ дорогѣ многое можетъ случиться. Все-ли благополучно дома? Пройдемъ-ли благополучно? Я дорожный человѣкъ—повторилъ Таваджикъ—блага***) вамъ доставить не могу, но примите то, что у меня есть!“ Съ этими словами онъ развернулъ конецъ опояски и высыпалъ на руку дошедшей къ нему жены шамана опилки чаю. Шаманъ выслушалъ его внимательно, спокойно докурить трубку и, вновь ударивъ въ бубенъ, повернувшись спиной къ очагу, лицомъ къ „кузонгу“—идолу, состоящему изъ горсти разноцвѣтныхъ лентъ, навязанныхъ на бронзовую курганную круглую пряжку. Удары въ бубенъ медленно и равномерно слѣдовали одинъ за другимъ, словно отбивали ихъ мятникъ. Шаманъ, качиваясь веѣмъ туловищемъ, издавалъ какіе-то нечленораздѣльные звуки. Тихо разливалась по острокопической юртѣ его заунывная

Шаманъ у юрты.

снизойти. Но стоило только духу исполнить эту просьбу, какъ шаманъ преображался. Онъ бросался съ неизмѣрною быстротой ловить духа въ подставленный, словно чаша, бубенъ и громкими ударами приветствовалъ побѣду. Но и какой-же пѣной она ему давалась! Бывало шаманъ чувствуетъ приближеніе духа, напрягаетъ силы, чтобы его поймать, но духъ дунетъ, шаманъ зашатается, и только жена, вѣрная помощница, во время подоспѣваетъ, чтобы не дать ему грохнуться объ землю... Повидимому, чѣмъ дальше, тѣмъ съ болѣе сильными духами приходится шаману имѣть дѣло. Рѣже раздаются побѣдные звуки бубна, чаще шаманъ шатается,

какъ пьяный, все болѣе и болѣе „арджана“ *) лезть жена на очагъ и вверхъ... Но и это перестаетъ помогать. Шаманъ остановился и, блѣдный, повернулся въ сторону очага. Ему подали чашку „арджана.“ Онъ приложилъ ее къ ободку бубна—напоилъ коня,—затѣмъ выпилъ и чашку бросилъ. „Терекъ!“ къ благополучію гаркнули въ одинъ голосъ присутствующіе: чашка упала внизъ дномъ. Шаманъ вновь повернулся къ „кузонгу“ и вновь тихіе звуки бубна различились по юртѣ. Шаманъ не пѣлъ. Изъ сдвоеннаго горла вырвались лишь какіе-то хрипы, прерываемые длинными протяжными зѣвками. Послѣ одного изъ такихъ зѣвковъ шаманъ зашатался. Таваджикъ, вскрикнувъ, бросился къ нему на помощь, но объ жены подоспѣли раньше, а Таваджикъ крикнули, чтобы не дѣлать. Если въ такой моментъ прикаснется къ шаману мужчина, онъ обязательно свалится. Шаманъ грузно повисъ на руки поддерживавшихъ его женъ и долго не могъ прийти въ себя. Въ юртѣ было тихо, только издали доносились раскаты удалявшейся грозы, да объ покрышку юрты тревожно бился капи уже прекращавшагося дождя. Присутствующіе, молча, сосредоточенно глядѣли на безпомощно свѣсившуюся, покрытую крупными каплями пота голову шамана, на суетившихся вокругъ него женъ, и волновались. Волновался и я. Спокойными оставались лишь его жены. Старшая сняла съ него шапку и туго повязала ему голову бѣлыми платкомъ. Еще минуты три шаманъ находился въ такомъ состояніи. Гробовое молчаніе присутствующихъ усиливало впечатлѣніе. Но вотъ шаманъ очнулся, всхлипнуть и началъ выпрямляться. Еще минута, и частые удары

въ бубенъ ясно давали знать о томъ, что онъ отправился въ дорогу. „Здравствуйте, дѣвушка!“ поздоровался онъ съ встрѣченными, не оставивая коня. „Здравствуйте, отецъ, мать!“ Дальнѣйшую поѣздку пришлось приостановить: конь усталъ, т. е. бубенъ отсырѣлъ. Пока жена его подсушивала, шаманъ продолжалъ стоять въ молитвенной позѣ, не то плакалъ, не то молился, часто осыпая себя „джуланъ-зренями“ — зѣвками, прикрѣпленными къ плечамъ шаманской шубы. Когда бубенъ подохнетъ, жена осторожно подошла сзади къ шаману и, поддерживая мужа плечомъ, сунула ему его въ руки. Шаманъ зашатался и чуть не упалъ. Таваджикъ инстинктивно подскокнлъ къ нему на помощь, но и на этотъ разъ грозно прикрикнули на него. И въ такой моментъ мужнинъ нельзя подходить къ шаману. Секунду спустя, шаманъ, нѣсколько разъ ударивъ, отвысно въ бубенъ, остановился. „Набейте трубку!“ — скомандовала жена. Набили. Жена взяла ее и незакуренную подала сзиди мужу. Онъ долго не бралъ, стои, какъ-бы въ одлѣвѣнній. Она не разъ тыкала мундштукомъ его въ руку, пока онъ, наконецъ, взялъ; тогда она подошла съ заженной шепкой, и онъ закурить. Закуренной трубки нельзя подавать шаману во время камлания. Если закурить женщина или дѣвушка, то это еще поль-бѣды, но если мужъ

*) У этого шамана двѣ жены: одна закладываетъ его скотоводческія хозяйствомъ, другая—оленями.

**) Бубенъ во время камлания является кошемъ, на которомъ шаманъ отправляется въ заоблачный міръ.

***) „Бѣльмъ“ — молоко, сыркъ, водкой выражается почитіе.

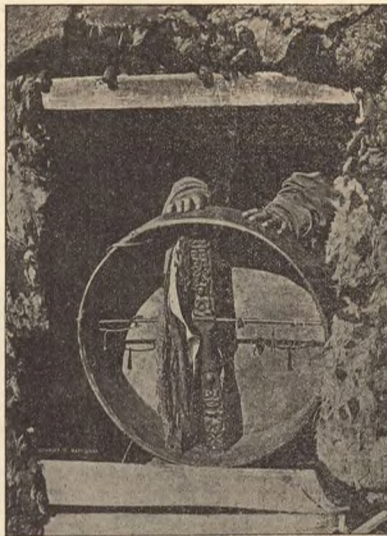
*) Освѣщенная жилкость. Обыкновенно кислов молоко — „хобтлахъ.“

Въ степи.

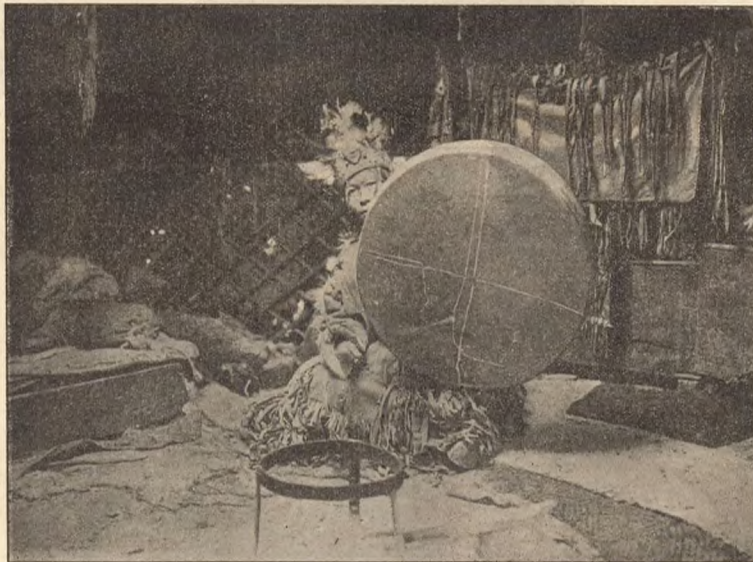
И спитъ и ей все, что въ плутиль далекое,
Въ томъ край, гдѣ солнца восходъ,
Она и пруты на утѣхъ горючій
Прекрасная нѣва растетъ.

Дерковцова (Изъ Голы).

— Отъ Саши!.. Какъ рада я,—слава Богу!
И худая, блѣдная женщина радостно схватила конвертъ довольно толстаго письма съ адресомъ, написаннымъ первонимъ тонкимъ почеркомъ.

Шаманскій бубень въ дверяхъ юрты.

Шаманка въ юртѣ.

„Милая, милая, Дани моя!“—одно это обращеніе безъ прибавленій, которыя дагѣ слѣдовали въ ласковомъ, задумчивомъ писемѣ, наполнило нѣжностью ея усталое сердце; и эта далекая Саша становилась еще милѣе ей думѣ. Чего, чего не было тутъ, въ этихъ тонкихъ страничкахъ? грезы и дѣйствительность, смѣхъ и ласка, обрывки стиховъ, цитаты любимыхъ писателей—все, что поражаемо впечатлительный умъ писавшей, разспросы, рассказы, сообщенія и одобренія!.. оно дышало свѣжестью и чувствомъ,—это большое письмо юной женщины къ ней, обездоленной, измученной. Счастье сквозило сквозъ строки, чистое и свѣтлое, но оно не било по сердцу ту, которая ихъ читала; нѣтъ, она не могла завидовать Сашѣ: ей и нужно было быть счастливою. Какъ-то не ввязалась мысль о скорби и горѣ въ сопоставленіи съ ней!.. И, заглядывая въ свою память, она припоминала любимое лицо подруги, это милое, симпатичное лицо съ большими, глубокими и добрыми сѣрыми

глазами, вспоминала шаловливую усмѣшку, манеры мальчишки и голосъ ласковой, задушевной, неодолимо привлекавшей къ ней вѣлкаго. Развѣ мудро, что и ее, „Даню“, какъ называла ее подруга, привлекала она, ее, добрыню и любящую, оставшуюся такою среди всѣхъ печалей и невзгодъ тяжелой жизни?

Въ 30 лѣтъ приходилось кончать, кончать въ этой степи, далеко отъ людей, отъ того манившего ее міра, который она такъ любила и который былъ отнять у ней судьбою для живой могилы въ далекой глуши, среди киргизскихъ степей. Если-бы еще не письма Саши—что-бы было съ ней?! А жизнь когда-то улыбалась. Въ 15 лѣтъ,—развѣ не хороша была она, тогда маленькая гимназисточка Даша Перфильева, съ своей прелестной свѣтлорусой головкой и дуриленными голубыми глазами? У нихъ была дружная простая семья, ее баловали, любили въ раннемъ дѣтствѣ родные, потомъ подруги въ гимназій въ любимомъ полуазіатскомъ городѣ. Какъ она хорошо училась!.. И вдругъ это наводненіе въ лицѣ ея мужа съ его грубой, нахальной красотой, прельстившаго ея красивые глазки!.. Фантазерка-мечтательница—она живо произвела его въ сказочные принца, надѣялась отгадкой и снѣжностью, мечтала объ руку съ нимъ побѣдить всякое зло и завоевать счастье и никому не вѣрила, никого не слушала—ни родныхъ, ни близкихъ, уговаривавшихъ ее отъ дожнаго шага, отъ брака съ фатомъ-канцеляристомъ, такъ полюбившимся ей!.. И вотъ что вышло: вмѣсто принца изъ сказки и друга, у ней былъ мужъ—моль и кутила, живо бросившій дѣло, спившійся и сѣвшій на ея шею. А она, эта нѣжная женщина, созданная для ласки и воспитаніи? Съ двумя дѣтьми на рукахъ, ей пришлось служить народу въ качествѣ учительницы, не ради призванія, какъ мечтала ранѣе, а ради насущнаго хлѣба, тратя свои молодые силы и кормя лѣтнія мужа.

Десять лѣтъ такой жизни, неустаннаго труда, заботы, тоски и разочарованій надломилъ ее; она захирѣла; болѣзни, собственно не было, но ее томилъ какой-то непонятный недугъ; падали силы, болѣло сердце. Все тѣло ныло и еще невыносимѣе ныла душа; смерть, казалось ей, подкрадывалась къ ней съ холодными объятіями и старалась поймать ее, и она ждала этихъ объятій съ трепетомъ, тоскуя и томясь желаніемъ жизни, въ тоже время страстно жаждала отдыха и покоя послѣ десяти-лѣтней напряженной борьбы съ жизнью и неустанныхъ заботъ о добычаніи насущнаго хлѣба. Мужъ, выгоняемый отовсюду, наконецъ понялъ, что она не можетъ болѣе кормить его и, добившись мѣста писаря въ киргизской степи, увезъ туда ее и дѣтей (ихъ было уже четверо, не считая тѣхъ, которые умирали), убѣгая отъ населенныхъ мѣстъ, гдѣ ему мѣшала служить его страсть къ вину, которое въ степи онъ могъ доставать очень рѣдко. Она очутилась за сотни верстъ отъ заселенныхъ мѣстъ, въ грязномъ одинокомъ домѣ, обнесенномъ валомъ, гдѣ почта получалась раза 2 въ мѣсяцъ, и пріѣздъ почтара былъ событіемъ, гдѣ ихъ окружали киргизы, гдѣ даже его, единственнаго русскаго человека, она не видала по недѣлямъ, такъ какъ онъ развѣзжалъ по своей кочушечьей волости, да и дома бывалъ, онъ рѣдко сдѣлалъ съ нею, провоя время за валомъ въ двухъ—трехъ юртахъ, котившихся около зимовки!..

Но она, любящая степь, эту огромную азіатскую степь! Но тогда она была счастлива и молода, у ней не было заботы и горя, жизнь ей улыбалась, теперь-же степь нагоняла на нее тоску; еще вечерами она мирилась съ нею, когда засыпала дѣти, а мужъ, если былъ дома, уходилъ въ юрту пить кумысъ и играть въ карты съ киргизами; тогда она, поручивъ дѣтей надзору старой киргизки, другой годъ жившей у нихъ ради хлѣба, уходила далеко отъ стойбища

чина—шаманъ можетъ упасть за жертво. Покуривъ, шаманъ опять поѣхалъ. „Оранъ орну амьръ!“ почтительно поздоровался онъ съ Повелителемъ вселенной. Раздалось шипѣніе, зѣвота, чиханіе, а затѣмъ шаманъ однимъ прыжкомъ повернулся въ сторону очага и очутился въ сидѣщемъ положеніи. „Амьръ! Амьръ!“ почти въ одинъ голосъ поздоровались съ нимъ присутствующіе. Онъ возвратился домой изъ заоблачныхъ странствованій и, если-бы они съ нимъ сразу не поздоровались, ему пришлось-бы всю ночь скитаться по бѣлу свѣту.

Долгое время, „по возвращеніи домой“ шаманъ сидѣлъ усталый, утомленный. Ему подали „аржанъ.“ Первую чашку онъ вылилъ на огонь, вторую поднесъ къ бубну—напойлъ коня, а затѣмъ, выпивъ семь чашекъ подрядъ, бросилъ чашку. „Терекъ!“ вновь гаркнули присутствующіе. Шаманъ всталъ и, долго глядя мутными глазами въ пространство, началъ предсказывать, прося отдѣльные фразы. „Васъ четверо было...—обратился онъ къ Таваджигу—теперь только трое. Возлѣ шаманскаго дерева не устраиваете камланій... Оно сердится... Надо устраивать... Проѣдете ладно, какъ красные цветочки!..“

Таваджигъ впоследствии отказалъ мнѣ, что ихъ было дѣйствительно четверо, что недалеко отъ ихъ улуса есть дѣйствительно шаманское дерево, что камланій возлѣ него давно уже не устраивали. Онъ былъ пораженъ. Какъ обманецъ, онъ скептически относился къ шаманамъ и просилъ погадать, скорѣе ради того, чтобы мнѣ дать возможность понаблюдать шамана, чѣмъ ради себя, а тутъ вдругъ шаманъ—оленеводецъ, никогда не бывавшій въ ихъ странѣ, живущій за 300 верстъ отъ его улуса, точно передаетъ, что дѣлается въ ихъ мѣстѣ!..

Между тѣмъ шаманъ продолжалъ гаданіе, отъ времени отъ времени прерывая его для того, чтобы повернуться въ сторону „кузюну“ и, такъ сказавъ, вдохновиться. Вдругъ онъ остановился и попросилъ чего-то. Жена выбѣжала и принесла водку—„арага“ Онъ выпилъ двѣ чашки и вновь бросилъ чашку. Она откатилась далеко, но упала на „терекъ“.

„Я—плохой шаманъ!“—обратился онъ ко мнѣ—и немногое могу тебѣ сказать. Ты все мелькала предо мной, какъ цветочки на лугу. То здѣсь, то тамъ промелькнешь... Какъ тутъ размотришь? Но одно скажу: проѣдешь благополучно и добьешься успѣха. А все-же—я—плохой шаманъ—повторилъ онъ—есть много шамановъ получше меня... Спроси у нихъ... что они тебѣ скажутъ?..“

Послѣ меня, онъ гадать и другимъ. Многие, въ особенности бабы, подходили къ нему. Онъ обвивалъ ихъ бубномъ и билъ въ него съ страшной силой. Онѣ отходили въ сторону съ вѣрой въ исцѣленіе.

Обойдя всѣхъ, шаманъ вновь сталъ передъ „кузюну.“ Его жены раздѣли его и накинули на него обычный костюмъ. Онъ поддавался этому пассивно, нервно вздрагивая, зѣвая и что-то мурлыча. Его опустели на поля. Онъ съѣлъ и долго сосредоточено глядѣлъ на огонь, то и дѣло вытирая рукавомъ выступившій на лбу капля пота. Кто-то подаль ему закуренную трубку. Пошло обычное „табаченіе“ *). Миръ заоблачный, миръ духовъ и видѣній исчезъ; дѣйствительность, жесткая и непреодолимая, на время забывая, вновь заявила свои права; грозный шаманъ вновь сталъ маленькимъ человѣчкомъ, почтительно принимающимъ и подающимъ трубки дѣдамъ, выше его стоящимъ въ общественной иерархіи. Оставаться дольше не представляло интереса. Было два часа ночи. Мы отравились въ свою палатку.

Феликсъ Конь.

*) Обвивая трубочкою или табакеркою.

без всякого страха туда, где в глубоком логу у горь шуршала по камням мелкая рька; там она садилась и думала, тихо покашливая, словно боясь нарушить тишину ночи, глядявшей на нее яркими звездами.

И сегодня ее потянуло туда.

Здесь, в тишине, ей вспомнились отрывки сегодняшнего письма Саши, и она задумалась над ними.

— Азия—прошептала она и опять дальше подсказывала досужая память слова письма.

— „Погоди, и я приду к тебе, вместе в балку твою к рьке уйдем, и слушать будем голоса ночи. Но пусть и со мною, и пока без меня, они не навоят на тебя тоски и мыслей печальных, слушай как рька по песку тихо шуршит, слушай как ковыль шумит, жалуется, что слишком рано высох, коростели кричат, а надь всежь этим крупная звезда на небе темно-синем... я сама, вьдь, люблю ее, твою Азию, люблю, хотя видьла мало и рвусь к тебе и хочу посидеть сь тобой, хотя мысленно, теплой июльской ночью, напоенной ароматом свьжих трав, что растут у рьки вместе сь цветами,—не замьленные, ярки. Откинулись-бы мы в уголок каменного уступа, и я бы улыбалась, радуясь, что судьба привела меня сюда, вь этот уголок, где живешь-ты, радость моя!“

— Милая моя, улыбнулась Даша, какь она живо и ясно все себе представила, а я даже и не замьчала, что порось травой и цветом уголок этот, не замьчала эти странная горы... вот жимолость совсемь возле меня раскинулась, и кусты эти сь цветом бьлым, ароматъ этот, одурающий, что голову кружить... а вьдь все это и рань было, только незамьтно... но что мигь вся красота? тяжело одной!

— „Вчера схоронили,—припомнились ей дальше слова письма,—Трофимову... что это за страдальца была? А вьдь сохранила любовь кь людям, всегда была всежь довольна, всегда ласково всежь улыбалась до самого конца... вьдь, ты только подумай: мужа потеряла любимого и вь двадцать два года сь четырьмя ребятишками осталась и какь умерь мужь,—застрьлили его вь отрядь барантчи, такь она его и не увидала мертвого,—дтьей росила у свекра вь дождь. Чего только не дьбалъ сь ней свекоръ этот? Сынъ подрось; отдьбрилъ ихъ свекоръ; чернобровымъ красавцемъ-казаккомъ сынъ вышелъ: все дьвушки на него заглядывались, и вдруг вь двь недьли горячка скрутила и умерь девятнадцати дтьей. Паша, дочь замужняя, сь нимъ на одномъ году вь землю ушла; Лиза,—таживая, позамаялась вь вьчной работь подь мужниными побоями и, глядя на ея горькую долю, сердце матери только надьрывалось оть жалости и тоски, а Катю, последнюю любимую, лютая чахотка доканала... Вот и перенесла все это мать;

вьд она ихъ любила!.. Даша, подумай, какь я свое Кешу люблю, какь ты своихъ ребяткомъ любишь—они у ней одни во всежь свьтъ были... И воть какая у ней душа была великая! Не заропата, рухъ на себя не наложила, а просто, смиренно всежь испытанья принимала, о злобь людской сь доброй печальной улыбкой вспоминала, безь ропота, всегда еще за свекра молилась. Даша, Даша! родятся же такія незамьтные страдальцы, незамьтные подвижницы на Руси. А мы, слабые, издерганная, крохотное испытанье перенести не можемъ. И не о тебе это, милая, не подумай; вьдь, ты тоже трудную долю несешь на плечахъ, тяжелую жизнь переживаешь, и

будь терпелива, страдальца моя, умоляю тебя обь этомъ... вспомни нашу ласковую, добрую Трофимову, вспомни крестъ ея тяжкий, и твой тебе легче покажется, моя бьдная, моя одинокая, моя милая“...

И опять, тихо ступая, она вышла изь лога и пошла кь бьльшему вдаль изь-за вала догами стьнами одинокому дому, все болъе и болъе ускорила шагъ при приближении кь нему.

Воть они все спяты тутъ на разостланныхъ по полу коврикахъ и текеметяхъ. Сара закинула за голову смуглая ручка, Соля калачикомъ свернулась, разметался блондинчикъ Миша, а самая маленькая личико спрятала вь подушку, и только кудрявый загилокъ, залитый луннымъ свьтломъ, да бьленькая шейка ясно выступали на темной наволочкь подушки. Мать поцьловла мягкие завитки и, взявъ письмо, сьла кь окну и уставые глаза Даша опять забьгла по строчкамъ, пока не остановились на словахъ:

„Родятся-же такія — незамьтные страдальцы, подвижницы на Руси, а мы, слабые, издерганная, крохотное испытанье перенести не можемъ“.

— Да, слабые, — именно такія... Господи, силы дай духу слабому, поддержи, прости за ропотъ, не оставь, помоги.—И бьдвое лицо сь невыразимымъ упованиемъ глядит на это ясное небо, на которомъ трепещутъ и разгораются большы спокойная звьзды.

Горячая азиатская ночь смьняется утренней прохладой, холодомъ знобить ея плечи, но она не чувствуетъ этого холода, она забылась вь молитвь, она проситъ себе такогъ-же смиренного терпенья, какое было у той усопшей страдальцы, она проситъ его сь пламенной вьрой вь исполнение просимого, оть всей глубины своего истомленного сердца, любящего, доброго и честного...

Востокъ разгорается сильнѣе, легкий туманъ тонкимъ маревомъ кутаетъ степь, кутаетъ цьль низкихъ каменистыхъ горь, перерьзающихъ ее, ихъ причудливые уступы... Надо дать покой истомленному телу, и она, замеревъ окномъ и раздвьвшись, тихо ложится около дтьишекъ и засьпая, прижимается лицомъ кь ручкь Миши, кь этой маленькой теплой дтьской ручкь, оть которой быть можетъ увидить помощь и достатокъ потомъ, вь будущемъ, когда будетъ такая-же старая, какь Трофимовна.

— Сохрани ихъ для меня Господи, не отними! — шепчетъ она, засьпая и еще крьпче прижимается разгорьвшейся щекой кь маленькой ручкь своего крьпко спящего мальчика...

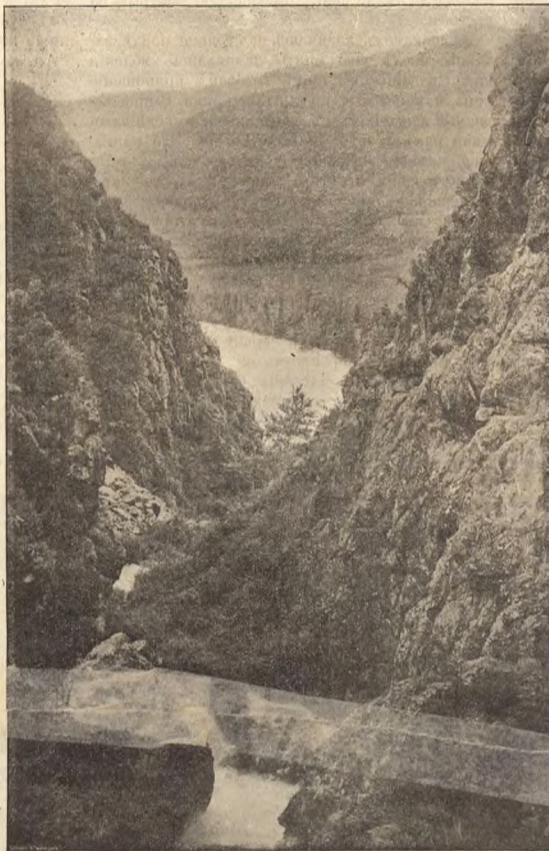
А. Мирская.

У алтайцевъ.

(Изъ путевыхъ воспоминаній).

Проживая на Алтаѣ вь деревнѣ Чергѣ, я и мой спутникъ рьшили какь то вь июлѣ съьздить вь окрестности—вь аилы *) алтайцевъ. Нашъ проводникъ — чергинскій крестьянинъ скоро привелъ осьдланныхъ лошадей, и мы, переправившись вь бродь черезъ рьчку Сему, по тропинкѣ начали подниматься по косягору, помрешу березами и лиственницами. Такъ мы пробьхали нѣсколько верстъ, затѣмъ спустились, перевалили два небольшихъ хребта и стали спускаться долиной. Вь это время до насъ доносились какіе то странные звуки. Спустя нѣкоторое время можно было различить крикъ чьловька. Долина повернула и мы увидьли группу алтайцевъ, которые, какъ оказалось, вь это время совершали жертвоприношенье.

На полянѣ было устроено сооруженье вь видѣ жертвенника. Оно состояло изь четырехъ кольевъ сь наложенной на нихъ покрывкой изь

Ущелье р. Бельтиръ-туюкъ.

Скала на рькѣ Чуѣ.

И опять, какь днемъ, задумалась Даша надь письмомъ, давеча она мелькомъ это мьсто прочла, и теперь эти строки ее поразили и заставили глубоко задуматься.

Она вдумывалась вь то, что прочтала; передь ея живымъ воображеньемъ ясно проходила страдальческая жизнь почившей старухи... И сразу стало легче на душѣ при мысли, что есть еще болъе страдающие, чемъ она, люди; собственное горе ушло далеко, казалось меньше и ничтожнѣе, хотьлось вьрнуть вь лучшее, думать, что оно придетъ вь лицѣ ея дтьей, хотьлось жить для того, чтобы вырастить ихъ, кь нимъ потянуло.

*) Становые алтайцевъ изь нѣсколькихъ юрть.

сѣна и прутьевъ. Къ концамъ колевь были прирѣдены березовыя вѣтки съ свѣжими листьями. На это сооружение опиралась наклоненная длинная жердь, однимъ концемъ воткнутая въ землю, на другомъ ее концѣ висѣла по направлению съ запада на востокъ шкура коня. У этой шкуры не были отрубаны ни копыта, ни хвостъ, ни голова. Подъ крышей жертвенника висѣлъ кожаный сосудъ съ аракой—слабой и вонючей волкой, приготовленной алтайцами изъ молока, а внизу на березовыхъ прутьяхъ лежала сваренная конина, предназначенная для участниковъ торжества.

Недалеко отъ жертвенника былъ разведенъ большой костеръ, на которомъ въ котлахъ варилось мясо жертвенного коня. У костра сидѣло много алтайцевъ, прѣхавшихъ изъ окрестныхъ айловъ. Здѣсь были однако лишь мужчины разныхъ возрастовъ, но не было ни одной женщины. Одни изъ присутствующихъ курили трубки и бесѣдовали, другіе кололи дрова, третьи поддерживали огонь въ кострѣ и наблюдали за варениемъ мяса. Одѣты они были въ обыкновенные костюмы: бараньи нагольные шубы или добинные халаты. Но одинъ изъ нихъ рѣзко отличался отъ другихъ своимъ костюмомъ. На немъ былъ черныи новый плисовый халатъ, на черной барашковой шубѣ развѣвалось пушистое большое филиново перо. Задумчивое лицо его казалось безучастнымъ къ окружающимъ,

которые относились къ нему съ видимымъ уваженіемъ и предупредительностью. Предъ нимъ стоялъ «ташауръ»—каменная бутылка съ аракой. Онъ наливалъ ее въ деревянную китайскаго издѣлія чашку и не сѣмша пить, тогда какъ остальные только поглядывали на этого счастливаго. Это былъ молодой камъ или шаманъ—его то крикъ мы и слышали, пробѣгая по долинь. Въ данномъ случаѣ онъ былъ приглашенъ для совершенія жертвоприношенія богу свѣта и добра—Ульгюю, которому алтайцы лѣтомъ совершаютъ моленія, прося о покровительствѣ. Тогда приносятся въ жертву животныя, собираются гости для молитвы, фды и выпивки.

Между тѣмъ пошелъ дождикъ. Камъ прошелъ въ стоящую недалеко отъ костра холщевую палатку, а затѣмъ, когда дождикъ стихъ, онъ вышелъ оттуда и подошелъ къ жертвеннику.

Теперь отъ шеи до ногъ шамана по спинѣ спускались красная и бѣлая ленты изъ кумача и коленика.

Около шамана столпились челоѣкъ двадцать алтайцевъ. Новые гости не переставали прибывать, призывая лошадей къ вбитымъ колыямъ.

Камъ взялъ деревянную небольшую чашку, а стоящій подлѣ алтаецъ взялъ кожаную бутылку съ аракой. Затѣмъ раздался крикъ шамана и разнесся по долинь, а горное эхо отвѣтило изъ-за каменнаго гребня. Опять возгласъ. Камъ велѣлъ наполнить чашку аракой и затѣмъ, скандируя слова молитвы, вырызнулъ вино на жертвенникъ. Напѣвая молитву, онъ покачивалъ въ тактъ головой. Шаманъ постепенно оживлялся, неоднократно повторилъ процессъ приношенія аракы и не переставалъ напѣвать молитву. Голосъ его становился громче и диче.

Конечно, храмъ—вся долина—была такъ велика, что для произведенія впечатлѣнія нужное было напрягать всѣ голосовыя средства.

Отъ напряженія глаза и лицо шамана налились кровью, голосъ его временами хрипѣлъ. Причитанія и скандировку онъ нерѣдко прерывалъ, испуская дикій протяжный крикъ, причемъ, складывая руки протяжными въѣстѣ, подносилъ ихъ къ лбу и, трясъ головой, кланялся въ сторону повѣшенной шкуры—на востокъ.

За шаманомъ кланялись и стоящіе подлѣ алтайцы, послѣ чего опять начинались моленія кама, качаніе въ тактъ головой, приношеніе вина и неистовые протяжные крики, сопровождаемые поклономъ съ сложенными въѣстѣ ладонныя руки, поднесенными ко лбу. Эхо приносило назадъ эту дикую молитву, изъ-за горы точно неслись отвѣтныя голоса, какъ будто кто-то невидимо присутствовалъ тутъ и давалъ знать о себѣ молящимся. Картина была торжественная, могущая возбудить религиозныи экстазы. Грандіозная обстановка, горное эхо, откликающееся на возгласы кама, высоко вознесенная шкура животнаго—видимо производили на алтайцевъ сильное впечатлѣніе.

Иногда камъ бросалъ чашку въѣстѣ съ виномъ, стараясь перекинуть ее черезъ жертвенникъ. Ребятишки алтайцы бѣжали поднимать чашку и смотрѣть, какъ она упала: вверхъ или внизъ дномъ т. е. къ добру или худу.

То-же самое было продѣлано съ бульономъ, навареннымъ изъ жертвенной конины, при-

Черезъ нѣкоторое время молитва опять должна была возобновиться, но мы не стали ожидать окончанія торжества и рѣшили отправиться домой, тѣмъ болѣе, что погода видимо начинала портиться.

Замѣчу, что при молитвахъ Ульгюю—духу свѣта и добра—алтайскіе шаманы не употребляють бубна. Шаманскій бубень употребляется лишь во время молитвъ Эрлику при свѣтѣ костра, когда земля окутала ночь.

Къ рисункамъ.

Берская народная библиотека была открыта въ 1897 г. по инициативѣ И. И. Березина при участіи В. А. Горохова, а также чиновника по крестьянскимъ дѣламъ Ордина. Первые средства были даны Берскимъ волостнымъ обществомъ въ количествѣ 300 руб. В. А. Гороховымъ 100 р., изъ Томска П. И. Сухопаровой-Преображенской 25 р. и берскимъ купечествомъ и другими берскими жителями около 100 р. Поступали пожертвованія и книгами отъ В. А. Горохова, И. И. Березина и нѣкотор. друг. Въ первые годы своего существованія библиотека помѣщалась въ старомъ волостномъ правленіи, а въ 1899 г. переведена въ особое зданіе, выстроенное специально для этой цѣли на средства В. А. Горохова. Библиотека обставлена прекрасно; имѣется обширный залъ для спектаклей и народныхъ чтеній. Въ настоящее время въ библиотекѣ находится около трехъ тысячъ книгъ по разнымъ отдѣламъ, а также выпускаются газеты и журналы.

Добавимъ, что въ этомъ же зданіи библиотеки происходятъ засѣданія выѣздныхъ сесій Томскаго Округнаго Суда.

А. Г.

Скала на р. Чуѣ.

Кругомъ вереть на 40 раскинулась ровная Чуиска степь и эта одинокая скала на берегу р. Чуи производитъ въ высокой степени оригинальное впечатлѣніе, какъ будто какой титанъ оторвалъ каменную громаду отъ горъ и бросилъ ее въ долину Чуи. Теченіе рѣки въ этомъ мѣстѣ тихое, берега низкіе, песчаные, но ниже, принявъ въ себя р. Туухунаръ, Карагутъ, Курай, Тогуамъ справа и Чеганъ—справа слѣва, Чуя становится многоводной, быстрой, течетъ въ скалистыхъ крутыхъ берегахъ и, глядя на нее, совершенно не узнаешь прежней, тихой степной рѣки.

Ущелье р. Бельтырь-туока.

Ущелье р. Бельтырь-туока находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, расположеннаго на р. Елжиганъ, выше Чемаза по Катуню.

Небольшая рѣчка, стиснутая въ своемъ колечномъ теченіи громадными скалами, прорвавшись сквозь нихъ, со страшнымъ шумомъ низвергается въ долину Катуня водопадомъ съ 207 аршинной высоты. Невольно любующейся этой горной, буйной, не знающей себѣ преградъ рѣчкой, которая и въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи, пересѣкая долину Катуня, все еще не можетъ успокоиться—все бурлить да впитываться и съ глухимъ рокотомъ падаетъ въ Катунь.

И. Б.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Бесплатная народная библиотека въ с. Берскомъ.

чемъ въ бульонъ было положено кусочками и мясо.

Молитвы произносятся камомъ во время моленія духу добра Ульгюю въ родѣ слѣдующей:

Почитаемый господинъ!

Возносимъ тебѣ молитвы.

Сохрани насъ отъ враговъ.

Сохрани скотъ отъ болѣзни,

Дай хорошей приплодь ему;

Дай обильную пищу для него;

Помоги въ нашихъ промыслахъ

Сохрани жизнь нашу отъ болѣзни и смерти

Прими предлагаемую жертву!

И помоги намъ силою своею!...

Моленіе продолжалось долго. Камъ видимо утомился, кричалъ уже тише. Наконецъ, молитва кончилась. Камъ, пошатываясь, отошелъ къ костру и въ изнеможеніи сѣлъ на разостланный войлокъ. Ему тотчасъ подали трубку.

Продажа въ разсрочку и прокатъ Роялей и Піанино.

Музыкально-инструментальная торговля П. И. Макушина въ Томскѣ.